

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

УДК 811.111

Мария Дмитриевна Путрова

*Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк*

ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА И ГЕНДЕРА

Аннотация. *Гендерная составляющая личности является ее неотъемлемой характеристикой, которая артикулируется с помощью языка. Усиливающий повтор – одно из эффективных средств идентификации гендера, способствующий адекватной интерпретации коммуницированных ею смыслов. Реализуется в виде определенного интонационного целого, вербальную структуру которого образует один или более повторов определенного слова, привнося созначения гендерно-специфической дистанции проецируемого языком мира от языковой личности.*

Ключевые слова: *сложность структуры, гендерная составляющая, значимость языка, усиливающий повтор, интонационное единство, частотность, дистанция.*

Abstract. *Gender dimension of a speaking or writing subject is its indispensable characteristics, articulated through language. Intensifying repetitions of words is one the effective means of marking Gender through language, helping to integrate communicated meanings adequately. It is normally realized in the form of an intonation unity, comprised by repetition of a word in the unity and bringing about connotations of Gender specific distance of the projected world from the speaking or writing subject.*

Keywords: *structure complexity, Gender dimension, Language significance, intensifying repetition, intonation unity, frequency, distance.*

Проблема личности всегда была актуальной для гуманитарных исследований, для знаний о человеке и его мире, для понимания социальной сферы, в которой он живет. Значимость понятия личности в европейской культуре была очевидна с самых древних времен. «Много есть чудес на свете. Человек их всех чудесней» – это весьма интригующее высказывание Софокла, произнесённое им над образом Антигоны, неслучайно многократно упоминается в самых разных научных трактатах и дискуссиях.

Вместе с тем, при всей замороженности значимостью феномена личности, наблюдаемой в течение столетий, правомерно признать правоту Ф. Ницше, известного возмутителя спокойствия не только в философских кругах, но и предвестника значимых перемен прежде всего в западноевропейской мысли. В соответствии с его точкой зрения, высказанной им уже в первом предложении его предисловия к известному труду «Генеалогия морали», впервые напечатанном в 1887 году, человечество накопило огромный багаж самых разнообразных знаний об окружающем его природном мире. Но как мало человек знает о себе самом, о том, что он представляет собой как личность [1].

Данные слова, по справедливому замечанию Э. Крейга, автора весьма широко востребованной четырехтомной энциклопедии по философии, правомерно считать началом радикальных перемен в европейской интерпретации человека и его мира [2, с. 93]. Ведь главной тенденцией в течении многих веков было полагать, что какими бы непонятными и трудными для интерпретации не казались окружающие человека природные явления, было всё-таки что-то, в чем он был уверен, что он мог досконально знать и о чём мог с уверенностью рассуждать. И этим единственным доступным и понятным человеку объектом действительности казался он сам и его ментальный мир. Слова Ф. Ницше на фоне такой уверенности не были приняты всерьёз. Однако с появлением менее, чем через поколение трудов З. Фрейда, уверенность в доступности и постижимости феномена личности и ее ментального мира стала быстро ослабевать. Особенно с появлением доктрины подсознательного. Именно в нем, согласно З. Фрейду, как раз и кроются, прочно сокрытые для интроспективного взгляда исследователя, самые важные причины того, что происходит в сознании человека, его ментальной жизни. Он убедительно показал, что личность вовсе не является далее неделимой сущностью, как это было принято считать до него. Она образована следующими значимыми составляющими – эго, повседневное сознание, супер-эго и ид, область подсознательного, ничем не ограниченных желаний. При этом он настоятельно рекомендовал неукоснительно отделять психическое от биологического, учитывать привносимые жизнью в окружающем мире особенности личности [3]. Данная рекомендация оказалась поддержанной виднейшими представителями нового, утвердившегося только во второй половине XX века направления, сделавшего объектом своего рассмотрения гендер и справедливо полагающего, что гендерное измерение является сигнификативной, неотъемлемой характеристикой личности, без которой невозможна полноценная интерпретация ее сущности.

Лингвистический подход в исследовании гендера исходит из широко известного положения о том, что язык является одной из немногих дистинктивных характеристик *homo sapiens*, отличающих его от других творений природы и полагает, что именно язык является средством манифестации гендера, важнейшим

его кодом [4, с. 146]. Проблема личности в языковом аспекте, таким образом, оказалась связанной с обсуждением тех характеристик, которые маркируют ее как представителя определенной гендерной разновидности.

Последние, однако, весьма трудны для выявления. Язык, по образному выражению Л. Витгенштейна, переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме скрытой за ней мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаружить форму тела [5, с. 242]. Мы полагаем, что в аспекте гендера сказанное справедливо лишь до той поры, пока мы недостаточно хорошо знаем гендерно значимые особенности формы и поэтому оставляем без внимания некоторые существенные ее характеристики, подсказывающие, представитель какой гендерной идентичности осуществил реализацию языкового сообщения и как, поэтому, предпочтительнее его интерпретировать.

Настоящая работа ставит своей целью исследование возможностей малоизученного средства выражения лексических и грамматических значений – интенсифицирующего, усиливающего повтора в плане его возможностей сотворения гендерных репрезентаций языковой личности.

Наша гипотеза состоит в том, что усиливающий повтор может быть одним из эффективных средств языка как созидания, то есть языка, осуществляющего сотворение гендерной составляющей языковой личности и трансформирующего с точки зрения этой личности мир вокруг неё в определенные фрагменты мыслей, высказываний об этом мире, позволяющие, в конечном итоге, сконструировать ей свою языковую картину мира. Неслучайно исследователи самых разных областей знаний убедительно говорят о том, что структура гендерной идентичности, включающая в себя эмоционально-оценочный, когнитивный, поведенческий и личностный компоненты, имеет содержательные, качественные и количественные особенности [6, с. 4]. И что отсутствие или недостаточное развитие данных особенностей – серьезный ущерб в структуре языковой личности, который придется так или иначе преодолевать [6].

Самым важным для нашего исследования является то, что, как показывают целый ряд авторов, отмеченные компоненты находят свое проявление в особенностях вербального поведения говорящих и пишущих субъектов. Проблема состоит в том, что в настоящее время описаны лишь некоторые из характерных манифестаций гендера языковыми средствами. Основная же их масса, повторы в их числе, остаются неисследованными.

Новизна настоящей работы состоит в помещении проблемы языковой личности в фокус внимания лингвиста-гендеролога, выявлении тех созначений, которые привносятся в семантику понятия «языковая личность» с помощью повторов-усилителей.

Повторы давно замечены лингвистами как активно используемое средство выражения лексических и грамматических значений. Традиционно они интерпретируются как предельный, с точки зрения лексикологии, случай редупликации, заключающийся в удвоении всего слова (*приду-приду, не трэба-не трэба, pow-pow*). Понимается, что чаще всего они выступают как средства варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т. п. и широко используются при образовании идеофонов и звукоподражательных слов: *гав-гав* [7, с. 408] или *грук-грук, туп-туп, quack-quack, woof-woof*, если обратиться к вербальной реальности белорусского или английского языков.

Целью нашей работы, как явствует из представленной ранее гипотезы, как раз и является исследование возможностей повтора в плане созидания, конструирования гендерной идентичности говорящего субъекта, то есть языковой личности.

Каков же вклад повтора в функционирование языка как созидания, то есть языка, сотворяющего самого говорящего субъекта, языковую личность и картину мира вокруг него.

Чтобы ответить на данный вопрос нами было проведено сопоставительное исследование массивов записей подлинного вербального поведения в четырех культурах: белорусской, русской, американской и английской, состоящих примерно из 40 000 слов в каждой из них. Кроме того, нами широко использовались записи, полученные в ходе многолетних наблюдений аутентичного говорения в названных культурах.

Прежде всего мы выделили все случаи реализации повторов-усилителей в наших записях, что оказалось совсем не простым делом. С одной стороны, интенсифицирующий повтор имеет свою достаточно четко очерченную иллокутивную – акцентировать или усиливать семантическую составляющую повторяемой единицы, например:

1. She is my best friend. My very-very-very best friend!
2. А: Вот уже она ждет-ждет, когда сыночек приедет, ждет-ждет!
Б: А он что?
А: А он что! Он не едет! Не едет-не едет-не едет!
Б: Ой!
А: Каково?! А?
Б: Что ты!
3. А: I тут ён я-ак дзябне-дзябне сябе па назе.
Б: Сякерай?!
А: Сякерай.

С другой стороны, данная разновидность повторов не единственная. Повтор может быть представлен в целом ряде других своих разновидностей, что затрудняет идентификацию именно повторов-усилителей. В настоящем исследовании

повторами-усилителями или повторами-интенсификаторами считаются те из них, в которых прослеживается усиление смысла, заявленного в первом из повторяемых одним говорящим слове, и которые реализуются поэтому в одной интонационной структуре: тоногруппе, её части или речевом действии, если последнее состоит из одной тоногруппы. *Very-very, ждет-ждет, не едет-не едет-не едет и дзябне-дзябне* образуют интонационные единства, которые не разрушаются на составляющие их относительно самостоятельные единицы, а образуют одно целое. Нарушение интонационного единства, составленного из повторяющихся слов, приводит к появлению других разновидностей повторов, например:

Да, парни они высокие, высокие.

Реализованные каждое в нисходящем тоне два слова *высокие, высокие* не образуют интенсифицирующего единства. Поэтому и отделены запятой. Второе из них представляет собой повторную констатацию или подтверждение, а не усиление смысла одной номинации, состоящей из двух слов, в которой второе слово усиливает общий ее смысл.

Подобное усиление наблюдается в повторах, реализованных в следующих фрагментах наших записей свободного говорения.

4. *Беру-беру-беру-беру!* Не волнуйся.
5. *They are quite-quite blue! Just lovely, I tell you.*
6. *А смачна-смачна* як! Язык праглынеш.
7. *Весёлый-весёлый-весёленький.*
8. *Холодный-прехолодный.* Как одеть, а?

Представленные примеры являют собой наиболее частотные разновидности повторов-усилителей или повторов-интенсификаторов, зарегистрированных в нашем материале. В принципе, каждый из представленных вариантов возможен как в говорении мужчин, так и женщин. Вместе с тем, наблюдаются определенные предпочтения их реализации в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта, которые хорошо прослеживаются, если рассмотреть данные о частотности их встречаемости.

Представляется важным отметить, что общие показатели употребительности повторов всех видов, включая и повторы-интенсификаторы, в мужском и женском говорении вполне сопоставимы во всех культурах, хотя конкретные абсолютные цифры все-таки несколько выше в мужском говорении (на 1,25–3,75% в нашем материале). Повторы-интенсификацикаторы, однако, даже по общим показателям своей встречаемости обнаруживают явную связь с гендерной идентичностью говорящего субъекта. Если принять все реализации повторов-интенсификаторов в каждой из рассматриваемых нами культур за 100%, то оказывается, что большая их часть [60–67,5%] приходится именно на женское говорение в каждой из них.

Но только ли в показателях частотности или количественных особенностях дистрибуции повторов-интенсификаторов кроется их способность маркировать гендер? Тщательный анализ наших данных позволил убедиться, что роль повторов вообще и показателей их частотности в частности, гораздо более сложная и многообразная. Так количество весьма распространенных повторов типа (*нет-нет, не-не, pow-pow*) является гендерно мало дистинктивным. Сказанное справедливо и в отношении широко употребительных трехкратных повторов в русской и белорусской культурах: *вот-вот-вот, так-так-так*. Мы обозначили их по аналогии с терминологией, принятой в стилистике (*trite metaphors*), банальными или привычными повторами. Более заметные гендерные различия в показателях частотности достигаются за счет менее привычных повторов (см. 2, 4, 7, 8). Так, если повтор слова встречается в одном речевом действии два и более раз (см. пример 4), то он скорее всего оказывается реализованным в женском говорении. И довольно хорошо идентифицируется как таковой информантами-носителями языка. Не менее четко гендерная идентичность прослеживается и в случаях, когда в одной реплике наблюдается несколько, особенно трех и более кратных повторов (см. 2) или когда в состав повтора входит реализованная в диминутивной или превосходной степени словоформа (см. 7, 8). Их идентификация оказалась также довольно успешной, причем у информантов всех возрастных групп. Тем не менее в реальном говорении, примерно в 15–20% случаев своего употребления такие повторы оказываются фрагментами вовсе не женского говорения. Представляется важным отметить, что мужское употребление подобных повторов имеет явную специфику и наблюдается главным образом в разговорах с детьми или о детстве, женщинах. Кроме того, они употребительны в случаях иронизирования, уничижения, причем не только в отношении реалий женского мира или детства, например:

9. Уж ваш *нначальник-началльничек* ... не подведет!

В данной реплике говорящий иронизирует по поводу чрезмерного, как ему кажется, почитания начальника членами обсуждаемого коллектива.

А вот в последующих примерах мужские высказывания действительно комментируют поведение женщин (см. пример 10) и детей (11).

10. Ды яна табе скажа! Што яе *сям'я-сямейка самая-самая!* Мм! Скажа, ты толькі слухай от як.

11. *That's baddie-baddie, she thinks.*

Говорящие субъекты в данных примерах весьма эксплицитно имитируют типично женское или детское вербальное поведение, достигая в каждом из приведенных эпизодов свои конкретные цели – иронизирования и высмеивания (примеры 9, 10) и максимального отражения традиций говорения в детском мире, весьма сильно представленном именно в вербальном поведении женщин

и детей и уважительно копируемом, хотя и с некоторым подтруниванием, представителем маскулинного мира, дедушкой, в примере 11.

Как видим, повторы-интенсификаторы действительно являются одним из достаточно эффективных способов маркирования гендерной идентичности говорящего субъекта. И существует целый ряд разновидностей такого маркирования. В нашем материале они особенно ярко проявляются в пролонгировании согласных и удлинений гласных [3, с. 9]. Все они вносят свой вклад в осуществление языком его созидающей сущности, участвуют в сотворении гендерно дистинктивного по форме текста и гендерно дистинктивной языковой личности.

Вместе с тем, не все они с одинаковой легкостью распознаются при анализе языка текста. Наиболее сложным представляется фактор общей частотности их реализации. Здесь все дело не в принципиальной возможности употребления усиливающих повторов, а в их совокупной частотности. Данный фактор создает совершенно разные общие образы говорения, которые, тем не менее, в полном соответствии с приведенными ранее утверждением Л. Витгенштейна [5, с. 242], достаточно сложны для распознавания. Например:

12. І пайшло-пайшло Сама-сама усе раблю. І рыю-рыю, і сею-сею, і пашу-пашу. Усе-усе, усе сама. Самаа-сама-сама, от як.

Сами по себе все подчеркнутые в приведенном примере повторы могут встретиться и в говорении мужчин, правда, без удлинения гласных, как правило. Но вот в таком количестве в одной реплике они все-таки предпочтительнее в говорении представителей другого гендера. Во всяком случае, как в нашем подборе записей аутентичного говорения, так и в многочисленных наблюдениях.

Неслучайно подобные образцы, один из которых представлен в обсуждаемом примере, в нашем материале зафиксированы в говорении именно женщин, создавая характерную для них эмоциональность, соответствующую дистанцированность от рисуемого ими образа мира. Весьма полезно сравнить данный фрагмент с образцом в значительной мере схожего по общей семантике мужского говорения:

13. *З таго і пайшло-паехала. Гатую сам. Усю ежу самм. Нічога. Нармальна. Нармальна.*

Как видим, в мужском говорении (см. пример 13) также имеются повторы, именно: словоформы *сам* и речевого действия *Нормальна*. Кроме того, в определенной мере повтор реализуется с помощью субморфного объединения *пайшло-паехала* за счет усиления общей семантики движения, поддержанного вторым компонентом объединения. Вместе с тем, повтор словоформы *сам* в примере 13 вовсе не равнозначен усиливающему повтору *сама-сама* (пример 12). Словоформа *сам* реализуется в двух разных, самостоятельных речевых действиях, финальная позиция данной словоформы в каждом из них делает ее заметной, весомой,

создавая впечатление определённой дистанцированности проецируемой картины от говорящего субъекта.

С другой стороны, интенсифицирующий повтор *сама-сама* отличается определенным единством, формально создаваемым интонационной целостностью. Уместным представляется напомнить, что подобные повторы могут трактоваться как одно из средств диминутивизации наравне с уменьшительными суффиксами и высоким тональным уровнем реализации [3, с. 524]. Любопытно, что перцептивно усиливающие повторы *сама-сама* и *все-все-все* из нашего примера действительно воспринимаются как более высокие по тональному уровню их реализации, чем другие фрагменты содержащего их высказывания.

Примечательно также, что повторы, приведенные в примере 13, имеют широкое употребление и в женском говорении. Однако общая их частотность все-таки выше в говорении мужчин и составляет в нашем материале почти 60% всех таких реализаций. То есть, приблизительно на 20% больше, чем в женском говорении. Однако эти почти 20% все-таки способствуют созданию, совместно с другими языковыми средствами, впечатления большей расчлененности, уверенности и легкости восприятия мужского говорения. И могут быть подтверждением выводов многих исследователей о том, что коммуниканты – мужчины чаще стремятся манифестировать в своем вербальном поведении автономность, независимость, в то время как женщины, наоборот, больше тяготеют к совместности, сообществу, построению отношений, которые могут достигаться в том числе и с помощью усиливающих повторов. Их цель в женском говорении не диминутивизация, уничижение, как в примере 9 (*начальник-начальничек*), а приближение, помещение в свое ближайшее пространство, создание позитивных отношений и благоприятной атмосферы. В качестве подтверждения правомерно привести следующий фрагмент из наших наблюдений за подлинным говорением.

14. А₁: Так у ней же ситуация совсем другая. *Совсем. Совсем!* У ней ... её же *начальник-начальнишек* ... он ... им же дорожить надо!

Б₁: Помогает?

А₂: И помогает. Да. Но главное, не мешает! Не лезит со своими реформами!

Б₂: Ой, мама!

А₃: Спокойно работать можно.

Б₃: А то все реформы-реформы-реформы! Новое и новое!

А₄: Вот именно. Ужас.

Б₄: Конечно! *Ужас-ужас-ужас!* Вот.

Как видим усиливающий повтор *начальник-начальнишек* в данном фрагменте употреблен совсем иначе, чем в примере 13, без всякого иронизирования и уничижения. Обозначаемый им субъект из относительно отдаленной официальной сферы оказывается помещенным в менее дистанцированное пространство хороших отношений, позитивной атмосферы.

Любопытно, что подобным приемом пользуются не только говорящие субъекты в подлинном общении, но и писатели, особенно белорусские [10], [11]. Интенсифицирующие повторы помогают им установить контакт с читателем, представить повествование как естественный разговор с собеседником, пробудить интерес к происходящему, построить мостик доверия к себе и к проецируемому миру.

Суммируя приведенные в нашем исследовании данные, правомерно сделать следующие выводы:

1. Языковая личность, постулируемая как некий инвариант, прототип носителя языка, предполагает наличие определенной гендерной стратификации в своей структуре, позволяющей представителям одной лингвокультуры, отличающимся друг от друга по весьма разнообразным характеристикам, более или менее успешно взаимодействовать и адекватно воспринимать созначения, привносимые гендерной составляющей структуры языковой личности.

2. Одним из средств манифестации гендерной идентичности языковой личности правомерно считать усиливающий повтор, позволяющий другим участникам процесса лучше идентифицировать важнейший параметр личности, в значительной мере определяющий глубину и полноту интерпретации коммуницированных ею смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше, Ф. Генеалогия морали / Ф. Ницше. – М.: Азбука, 2021. – 160 с.
2. Graig, E. *Philosophy* / E. Graig. – Oxford: OUP, 2002. – 132 p.
3. Freud, S. *Three essays on the theory of sexuality* / S. Freud. – L.: Basic Books, 2000. – 174 p.
4. Talbot, M. M. *Feminism and Language* / M. M. Talbot // *The Routledge critical dictionary of Feminism and Postfeminism*; Ed. Sarah Gamble. – N.Y.: Routledge, 2000. – P. 140–147.
5. Витгенштейн, Л. *Логико-философский трактат* / Л. Витгенштейн // *Семиотика. Антология*; под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Академический проект, 2001. – 702 с.
6. Курочкина, И. А. *Развитие гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста* / И. А. Курочкина: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07 / И. А. Курочкина; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2020. – 26 с.
7. Виноградов, В. А. *Редупликация* / В. А. Виноградов // *Лингвистический энциклопедический словарь*; гл.ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 486с.
8. Путрова, М. Д. *Повтор-усилитель как средство экспликации гендера* / М. Д. Путрова // *Вестник Полоцкого гос. университета. Серия А: Гуманитарные науки*. – Новополоцк, 2022. – № 2. – С. 74–79.
9. Dahl, O. *Diminutives and Augmentatives* / O. Dahl // *Encyclopedia of Language and Linguistics*; Ed. K. Brown. – Vol. 3. – Amsterdam, Boston: Elsevier, 2006. – P. 594–595.
10. Брыль, Я. *З людзьмі і сам-насам* / Я. Брыль. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2003. – 334 с.
11. Карамазаў, В. *Выбраныя творы* / В. Карамазаў. – Мн.: Кнігазбор, 2013. – 573 с.